

ОЛИ УЛИШ

ИГРАЯ В БОГА

Олли Улиш
Играя в Бога

«Автор»

2026

Улиш О.

Играя в Бога / О. Улиш — «Автор», 2026

Когда земля трескается от засухи, а матери хоронят детей, деревня Уэда вспоминает древний ритуал: добровольная жертва на горе Тэнгу. Юки соглашается стать этой жертвой. Не из веры — из отчаяния: больная мать, голодный брат и колодец, в котором осталось всего ведро воды. Но дух горы не требует жизни. Он берёт воспоминания. Страх воды, который мучил Юки с детства. Радость первого поцелуя. Рождение младшего брата. Каждая сделка приносит деревне чудо: дождь, уход волков, спасённых детей. Но каждое чудо опустошает Юки всё больше. Она становится «святой» — пустой, безразличной, играющей в бога. А люди требуют новых чудес. «Играя в бога» — это не фэнтези о героях и злодеях. Это история о том, как легко поверить в чудо и как трудно принять, что чудо — это просто работа, вера и время. О том, что любовь не спасает мир — спасает упрямство тех, кто помнит за двоих. И о том, что иногда отказаться быть богом — единственный способ остаться человеком.

© Улиш О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Засуха	5
Глава 2. Отчаянный шаг	9
Глава 3. Встреча с божеством	12
Глава 4. Святая	17
Глава 5. Первая трещина	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Олли Улиш

Играя в Бога

Глава 1. Засуха

Земля трескалась.

Юки стояла на краю поля и смотрела на бурые разломы, уходящие в бесконечность. Трещины были широкими — в них можно было просунуть два пальца. Ещё месяц назад здесь колосился рис, пусть тощий, жёлтый, но хоть какой-то. Теперь даже сорняки сдались.

— Три недели без дождя, — сказал кто-то за спиной.

Она обернулась. Старуха Мицу держала на руках мёртвого цыплёнка — тот высох до состояния мумии. Глаза у Мицу были мутными, белыми по краям, и Юки подумала, что старуха скоро тоже высохнет. Как поле и колодец.

— Три месяца без нужной нам влаги, — поправила Юки тихо.

Мицу не услышала или сделала вид. Побрела к деревне, оставляя за собой цепочку мелких следов.

Юки осталась одна. Ветер нёс горячую пыль, и небо было серым пологом, под которым задышалось всё живое. Она подняла взгляд к горе Тэнгу. Та возвышалась на севере, тёмная, с обожжёнными склонами — прошлым летом там ударила молния, и сосны горели три дня. Теперь гора стояла голая, похожая на спящего зверя.

«Говорят, там живёт дух», — вспомнились детские рассказы. Тогда она смеялась.

Сейчас смеяться совершенно не хотелось.

Дом Юки стоял на окраине, ближе всех к таинственной горе. Отец построил его двадцать лет назад, когда деревня ещё была прекрасна и когда дожди шли, как по расписанию. Теперь крыша прохудилась, но чинить не имело смысла — дождей всё равно не было.

Внутри пахло отваром трав и чем-то сладковато-гнилым. Юки вошла, повесила соломенную шляпу на гвоздь. Из комнаты матери донёсся кашель — тот самый, сухой, с металлическим призвуком, от которого у Юки холодели пальцы.

— Мам, я принесла воду.

Она зашла в комнату. Мать лежала на циновке, укрытая старым одеялом. Лицо её было белым, как бумага для рисования, только под глазами залегли тёмные круги. На губах — капельки крови. Юки опустила на колени, поднесла чашку.

— Пей.

Мать сделала глоток, другой. Потом закрыла глаза и прошептала:

— Хару прибежал. Говорит, старейшины собирают сход у храма.

— Знаю.

— Ты должна пойти.

— Я не старейшина и не мужчина. Меня не пустят.

Мать открыла глаза. В них было что-то липкое, тревожное — то, что Юки видела в последние дни всё чаще.

— Пустят. Речь пойдёт о тебе.

Сердце кольнуло. Юки выпрямилась, поправила одеяло.

— С чего ты взяла?

— Старуха Мицу сказала Хару. Кэндо вчера допрашивал её, сколько воды осталось в нашем колодце.

Юки молчала. Колодец во дворе действительно был самым глубоким в деревне — отец копал его для себя, не для всех. И сейчас в нём ещё оставалось ведро, может, два. Общій колодец пересох на прошлой неделе.

— Я схожу, — сказала она. — Не волнуйся.

Мать хотела ответить, но новый приступ кашля скрутил её. Юки ждала, пока он пройдёт, потом вышла. На пороге столкнулась с Хару.

Брат стоял, тяжело дыша — бежал от храма. Ему было четырнадцать, но выглядел на двенадцать: недоедание, вечная усталость, плечи, обгоревшие на солнце. Глаза — испуганные.

— Юки, они хотят возобновить ритуал, — выпалил он. — На горе Тэнгу. Говорят, раньше люди приносили себя в жертву, и шли дожди.

— Кто говорит?

— Все. Кэндо, старейшины. Они не хотят больше ждать.

Юки прислонилась к косяку. Сердце теперь колотилось ровно, без паники — так бьётся зверь, когда понимает, что загнан.

— Выберут самого слабого, — сказала она тихо.

Хару схватил её за руку.

— Ты не слабая.

— Я женщина. У меня нет мужа. Мать больна. У нас меньше всех риса. Что, по-твоему, это значит?

Хару отпустил руку. Глаза у него стали влажными, но он не заплакал — уже давно не плакал, с тех пор как отец умер.

— Я не дам тебе пойти, — сказал он твёрдо.

Юки ничего не ответила. Она смотрела на гору.

Воспоминание пришло без спроса, как всегда в минуты тишины.

Ей семь лет. Река Кину после ливня — мутная, злая, с пеной на перекатах. Она поскользнулась на камне, и течение подхватило её, закрутило, понесло. Вода залила рот, нос, глаза. Она помнила зелёную тьму, пузырьки воздуха, уходящие вверх, и мысль — короткую, как удар: «Так вот как это бывает».

Потом чьи-то руки. Мать — в воде, в одежде, с дикими глазами — тащит её к берегу. На берегу она откашливает воду, плачет, обнимает мать. А мать шепчет: «Никогда больше. Никогда больше не подходи к реке».

После того дня Юки не могла смотреть на воду. Не то чтобы боялась — боязнь была глубже, в костях. Лужа после дождя вызывала головокружение. Звук льющейся воды — тошноту. Она перестала мыться в реке, как все деревенские, и тёрла себя мокрой тряпкой в сарае, закрыв глаза.

Мать винила себя. Юки не винила никого.

Воспоминание жило в ней пульсирующим комком — самым ярким из всего, что у неё было. Она знала: если бы не тот день, она не боялась бы воды. Но тогда мать, возможно, не прыгнула бы за ней. И что лучше — страх или смерть?

Она так и не решила.

Храм стоял в центре деревни — старое здание из тёмного дерева, с драконом на коньке крыши. Дракон когда-то был золотым, но краска облупилась, и теперь он смотрел в небо слепыми глазами.

Юки пришла, когда солнце уже садилось. У храма толпились крестьяне — человек сорок, почти всё взрослое население Уэды. Женщины стояли сзади, мужчины — впереди. Старейшины сидели на ступенях: трое древних стариков и Кэндо.

Кэндо был не старым — лет пятьдесят, коренастый, с тяжёлыми руками. Он не был старейшиной по крови, но стал им после того, как три года назад организовал общинную молотьбу и спас урожай. Люди его слушались. Юки его не любила.

— Мы собрались, потому что ждать больше нельзя, — начал Кэндо без предисловий. — Дождя нет. Колодцы пусты. Скотдохнет. Если ничего не изменится через месяц, мы начнём умирать.

Кто-то зашумел. Кэндо поднял руку.

— Есть старый способ. Гора Тэнгу помнит его. Раньше, когда земля сохла, один из нас поднимался на алтарь и отдавал себя духу горы. Дождь приходил на третий день. Так делали наши деды и прадеды.

— И они умирали? — спросил плотник Таро.

— Они становились жертвой. Дух забирал их жизнь в обмен на дождь. Это великая честь. Юки смотрела на Кэндо. Он не смотрел на неё — слишком старательно.

— Выберут самого слабого, — сказала женщина из толпы. Юки узнала голос — соседка Аки.

Кэндо покачал головой.

— Нет. Выберут добровольца. Тот, кто пойдёт сам, — его жертва будет угодна духу.

Наступила тишина. Юки почувствовала, как взгляды начали скользить в её сторону. Один, другой, третий. Мать была права.

После схода она подошла к Кэндо. Он стоял у храма, закуривал трубку.

— Ты знаешь, что я пойду, — сказала она без приветствия.

Кэндо выдохнул дым.

— Знаю.

— Моя мать умрёт без меня.

— Твоя мать умрёт без дождя. Или ты предпочитаешь смотреть, как она умирает медленно?

Юки сжала кулаки.

— Ты трус. Не хочешь сам пойти, поэтому выбираешь меня.

— Я выбираю того, кто даст деревне шанс. — Кэндо посмотрел на неё впервые за вечер. Глаза у него были холодные, как камни на дне пересохшей реки. — Или ты откажешься? Скажешь людям: «Я не пойду, пусть моя мать и ваши дети умирают»?

Юки не ответила. Повернулась и ушла.

Вечером она сидела на крыльце и смотрела на гору. Хару уложил мать спать и теперь стоял за спиной, не решаясь подойти.

— Ты не пойдёшь, — сказал он наконец. Это было не вопросом.

Юки молчала. Внутри неё был дом — мысленный дом, который она построила давно, сама не зная зачем. В том доме были комнаты. В одной жило воспоминание о матери, вытаскивающей её из реки. В другой — первый поцелуй с мальчиком, который ушёл из деревни три года назад. В третьей — как она держала на руках Хару-младенца и чувствовала, что готова умереть за этого крошечного, сморщенного крикуна.

Были и другие комнаты. Всего семь. Семь самых сильных воспоминаний, которые делали её собой.

Сейчас она смотрела на одну из них — ту, где вода. И чувствовала, что готова открыть дверь.

— Я не боюсь смерти, — сказала Юки вслух. — Я боюсь смотреть, как все умирают.

Хару сел рядом. Положил голову ей на плечо.

— Я не дам тебе идти.

— Ты не сможешь меня остановить.

Он заплакал. Тихо, по-мальчишески, всхлипывая в рукав. Юки обняла его и подумала: «Сделаю это ночью, когда все уснут».

Гора Тэнгу темнела на фоне серого неба. Где-то там, на вершине, был каменный алтарь. На горе жил дух, который забирал жизнь и давал дождь.

Юки не верила в духов. Но верила в то, что если она не пойдёт, её мать умрёт через неделю, Хару — через месяц, а сама она — вслед за ними, от голода или от руки соседа, который решит, что она съела лишнюю горсть риса.

Мысленный дом осветился изнутри. Юки открыла дверь комнаты со страхом воды и вошла.

Внутри было темно. И пахло рекой.

Глава 2. Отчаянный шаг

Тропа на гору Тэнгу начиналась сразу за домом Юки.

Она знала эту тропу с детства. В детстве они с Хару бегали сюда за грибами, хворостом, за первыми цветами весной. Тогда лес был другим — шумным, зелёным, полным птиц и белок. Сейчас, в предрассветных сумерках, он казался чужим.

Юки шагнула под полог деревьев, и тишина накрыла её, как вода.

Нет. Не надо думать о воде.

Она пошла быстрее. Под ногами хрустела сухая хвоя — дождей не было так долго, что земля превратилась в пыль. Сосны стояли редкие, обожжённые прошлым пожаром, с чёрными стволами и редкими зелёными лапами на самых макушках. Между ними висел туман — не тот, белый и мягкий, а серый, липкий, пахнущий гнилью.

Юки остановилась перевести дух. Обернулась.

Деревни уже не было видно — только серая пелена внизу и ни одного огонька. Казалось, она ушла не на полчаса, а на сотню лет.

«Ты могла бы вернуться», — шепнул внутренний голос.

«А смысл?» — ответила она.

Голос замолчал. Юки пошла дальше.

Через час лес стал другим.

Сосны исчезли, уступив место старым криптомериям — таким огромным, что их кроны смыкались над головой сплошным тёмным сводом. Света почти не было. Юки приходилось ощупывать тропу ногами, чтобы не споткнуться о корни.

Она помнила эту часть горы по рассказам стариков. Здесь, говорили они, кончается мир людей и начинается мир духов. Если войдёшь — назад дороги нет.

Юки вошла.

И сразу почувствовала, что лес смотрит.

Не то чтобы она видела глаза. Просто воздух стал плотным, как студень. Каждый шаг давался с трудом. То справа, то слева, а иногда прямо за спиной раздавались шаги — чёткие, ритмичные, как у человека, который идёт следом, но не близко.

Она трижды оборачивалась. Никого.

— Есть кто? — позвала она. Голос прозвучал глухо, словно она кричала в подушку.

Тишина. Потом шаги — уже ближе. Юки замерла. Сердце колотилось где-то в горле, но она заставила себя не бежать.

«Если это дух, — подумала она, — он хочет, чтобы я испугалась. Не показывай страха».

Она продолжила идти. Шаги отстали.

Через полчаса тропа вывела к ручью.

Ручей был почти сухим — только на дне блестела тонкая плёнка воды, собираясь в мелкие лужицы между камнями. Юки остановилась, почувствовав, как пересохло горло. Фляга была почти пуста — она взяла немного, не надеясь найти воду на горе.

Девушка опустила на колени, достала флягу, хотела зачерпнуть.

И тут увидела её.

На другом берегу ручья, на плоском камне, сидела старая женщина. Она перебирала травы — разложила их перед собой на тёмной ткани и сосредоточенно раскладывала по кучкам. Одежда на ней была странной: не крестьянская, не городская — что-то длинное, тёмное, с вышитыми узорами, которые Юки никогда раньше не видела.

Женщина подняла голову. Глаза у неё были светлыми — почти белыми, как у слепой, но она смотрела точно на Юки.

— Здравствуй, — сказала старуха. Голос оказался молодым — это было неправильно, жутковато.

— Здравствуйте, — ответила Юки. — Вы... вы кто?

— Странница. — Женщина усмехнулась. — Или просто бабка, которая собирает травы. Какая тебе разница?

Юки не знала, что ответить. Она посмотрела на ручей, потом снова на старуху.

— Вы живёте здесь? На горе?

— Живу везде. — Женщина взяла одну из трав, понюхала, отложила. — Ты идёшь к алтарю?

Сердце снова кольнуло.

— Откуда вы...

— Я много чего знаю. — Старуха поднялась. Она была ниже Юки на голову, но смотрела сверху вниз — странный, невозможный взгляд. — Хочешь совет?

Юки кивнула.

— Можно продать не только своё, — сказала женщина. — Своё — дороже, чужое — дешевле. Но иногда дешёвое лучше, чем ничего.

— Я не понимаю.

— Поймёшь потом. Если останешься жива.

Женщина шагнула в сторону, и туман сомкнулся вокруг неё. На секунду Юки показалось, что она видит сквозь дымку чей-то силуэт — высокий, тонкий, непохожий на старуху. А потом ничего.

Остался только мокрый след на камне — там, где сидела женщина. Но ручей был сухим.

Юки потрогала след. Пальцы стали влажными.

«Мне это приснилось, — подумала она. — Я брежу от голода и страха».

Она заставила себя встать и пойти дальше. Ручей остался позади.

К алтарю она вышла через час.

Место было странным — круглой формы, выложенное грубыми камнями, поросшими мхом. Мох был сухим, бурым, но на ощупь — тёплым. В центре круга лежал плоский камень, чёрный, с выемкой посередине — выемка была гладкой, отполированной до блеска.

Кровь, поняла Юки. Сюда стекала кровь.

Она обошла алтарь по кругу. Никаких следов жертв — ни костей, ни старых вещей. Только камни, мох и тишина.

Тишина здесь была особенной. Не та, что в лесу — пугливая, с шагами и шорохами. А абсолютная, как в могиле. Юки слышала биение своего сердца, движение крови в ушах, даже скрип песка под подошвами.

Она села на плоский камень. Выемка для крови оказалась прямо под её правой рукой — достаточно протянуть ладонь и полоснуть чем-нибудь острым.

«Что теперь? — подумала она. — Ждать? Звать?»

Она не знала ритуала. Старейшины не рассказывали — говорили только, что жертва должна прийти сама и отдать себя без принуждения. Может, дух сам явится. А может быть, надо умереть.

Она достала из узелка маленький нож — взяла с собой, чтобы резать хворост, но теперь поняла, для чего он действительно нужен.

«Если никто не придёт до утра, я перережу себе вены», — решила она спокойно. Удивительно, как легко давалось это решение. Страх смерти исчез где-то по дороге — может, в том тёмном лесу, может, у ручья со странной старухой.

Она положила нож рядом с собой и закрыла глаза.

Она не звала его, но он пришёл сам. Те же деревянные стены, тот же тёплый свет из ниоткуда. Семь дверей — семь комнат с самыми важными воспоминаниями.

Она стояла в коридоре и смотрела на дверь номер один — ту, где вода. За дверью было тихо. Обычно оттуда доносился шум — плеск, крики, её собственное задышающееся «нет». Сейчас — ничего.

«Я скоро открою её, — подумала Юки. — Или дух откроет сам».

Она прошла мимо других дверей. За одной — лицо матери, молодой, смеющейся. За другой — Хару-младенец на руках, тёплый, пахнущий молоком. За третьей — первый поцелуй, быстрый, неуклюжий, на сеновале.

Если я умру, всё это умрёт вместе со мной. — Мысль не испугала.

Она не знала, можно ли торговаться с духом. Но почему-то была уверена — можно.

Глава 3. Встреча с божеством

Она сидела на плоском камне уже несколько часов.

Солнце давно поднялось над вершиной, но не принесло тепла — только серый, бессильный свет, который застревал в ветвях криптомерий и не доходил до земли. Юки продрогла до костей. Одежда, промокшая от ночной росы, прилипла к телу, и каждый порыв ветра заставлял её мелко дрожать.

Нож лежал рядом. Она брала его в руки трижды — и трижды откладывала.

«Ещё немного», — говорила она себе. — «Если никто не придёт к полудню...»

Но она не знала, кто должен прийти. Дух? Смерть? Или просто тишина, которая уже начала сводить её с ума?

Она закрыла глаза и попыталась не думать. О матери, о Хару, о том, что будет, если она вернётся ни с чем. Мысленный дом стоял пустым — все семь дверей были заперты, и она не решалась войти ни в одну.

Где-то в глубине леса каркнул ворон. Один раз. И замолчал.

— Ты пришла не с ненавистью.

Голос прозвучал у неё над ухом. Юки подскочила, выронив нож. Он звякнул о камень и упал в траву.

Никого.

— Кто здесь? — спросила она, озираясь.

— Тот, кого ты ищешь.

Голос был низким, сухим, без единой эмоции — как если бы говорила сама земля. Он шёл не из леса и не с неба, а отовсюду сразу, и от этого у Юки заложило уши.

— Покажись, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Зачем?

— Чтобы я знала, с кем говорю.

Тишина. Потом воздух перед алтарём начал меняться — не то чтобы сгущаться, скорее, сгибаться, как ткань под пальцем. Юки увидела тень, которая не была тенью, силуэт, который не отбрасывал света.

Высокий человек в тёмных одеждах.

— Я — дух этой горы, — сказал силуэт. — Был человеком, монахом. Зови как хочешь. Многие звали Божеством. Некоторые — Пожирателем.

— Ты ешь людей? — спросила Юки.

— Нет. Я ем воспоминания.

Он сделал шаг вперёд, и Юки почувствовала холод — не физический, а тот, что пробирается под кожу и замораживает мысли. Она вскочила с камня, но не побежала.

— Ты пришла не с ненавистью, — повторил дух. — Почему?

Юки сглотнула.

— А должна была?

— Обычно приходят с ненавистью. К деревне, которая выбрала их. К судьбе, которая обрела. К богам, которые молчат. Ты пришла... такая спокойная. Это странно.

— Я не ненавижу деревню. Засуха не их вина.

— А твоя мать? Она ведь не остановила тебя.

Юки замолчала. Дух ждал.

— Она больна, — сказала наконец Юки. — Она не могла остановить меня, даже если бы хотела.

— А хотела бы?

— Не знаю. — Юки опустила глаза. — Может, и нет. Может, она тоже хочет дождя.

Дух издал звук, похожий на смех, но в нём не было веселья — только сухая, потрескавшаяся ирония.

— Люди всегда хотят дождя. Но никто не хочет платить.

— Расскажи мне, — сказал дух, садясь на камень напротив неё — так, будто они были старыми знакомыми. — Расскажи о засухе. О матери. О том, почему ты здесь.

Юки села обратно. Руки всё ещё дрожали, но голос слушался.

— Дождя не было три месяца, — начала она. — Колодцы пересохли. Рис не взошёл. Люди начали болеть — сначала старики, потом дети. Моя мать кашляет кровью уже вторую неделю.

— И ты решила, что твоя смерть спасёт их?

— Старейшины сказали: нужна добровольная жертва на горе. Раньше так делали, и шли дожди.

— Раньше... — Дух снова издал свой сухой смешок. — Раньше люди верили, что земля стоит на трёх китах. Люди умирали от чумы, потому что мылись раз в год. Ты веришь всему, что говорят старики?

Юки подняла голову.

— А ты говоришь, что дождь не придёт?

— Я говорю, что дождь может прийти. Но не потому, что старейшины правы. А потому, что я могу его послать.

— За плату.

— За плату. — Дух кивнул. Капюшон качнулся, и Юки на секунду показалось, что она видит под ним подбородок — острый, бледный, с редкой щетиной. — Я беру не золото и не жизнь. Я беру воспоминания. Самые сильные. Те, которые делают человека человеком.

Юки вспомнила мысленный дом. Семь дверей.

— И ты можешь сделать дождь, если я отдам тебе... что?

— Самый сильный страх. Самую яркую радость. Самую горькую обиду. В обмен на чудо.

— Какое чудо?

— То, которое ты попросишь. Дождь. Исцеление. Урожай. Да хоть найти любовь настоящую — но это дороже.

Юки посмотрела на небо. Серое, низкое, без намёка на облака.

— Я хочу дождь, — сказала она.

— Знаю.

— Что ты возьмёшь?

Дух поднял руку. Пальцы были длинными, почти прозрачными, без ногтей — как у мертвеца, который долго лежал в воде.

Не думать о воде, — одёрнула себя Юки. Но было поздно. Мысленный дом распахнул дверь номер один, и оттуда хлынул страх — ледяной, зелёный, захлёбывающийся.

— Это, — сказал дух. — Твой страх воды. Он самый сильный.

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу. — Дух наклонил голову. — Твои воспоминания светятся. Страх — ярче всего. Он питал тебя годами. Ты боялась воды так сильно, что не могла мыться в реке. Ты обходила лужи. Ты просыпалась в холодном поту, когда во сне слышала плеск.

— Откуда... — начала Юки, но осеклась. Дух видел всё. Это было жутко, но почему-то не вызывало желания убежать.

— Отдай мне страх воды, — сказал дух. — И завтра пойдёт дождь.

— Всего лишь страх?

— Всего лишь? — Дух усмехнулся. — Ты не представляешь, сколько ты заплатишь. Без страха ты перестанешь быть собой. Твоя осторожность исчезнет. Твоя память о том дне, когда

мать спасла тебя, станет плоской, как бумага. Ты будешь знать, что боялась, но не будешь помнить как. Это как вырвать зуб — останется дырка.

Юки молчала. Мысленный дом пульсировал у неё в висках.

— И дождь точно будет?

— Точно.

— Завтра?

— На вторые сутки. Не раньше — ритуал требует времени.

Она закрыла глаза. Увидела мать — не больную, а ту, молодую, которая вытаскивает её из реки. Увидела свои руки, хватающиеся за воздух. Увидела зелёную тьму.

— Забирай, — сказала она.

Она не поняла, как оказалась в мысленном доме.

Только что сидела на камне, смотрела на духа — и вот уже стоит в коридоре, а напротив неё — монах с закрытыми глазами. Он стоял у двери номер один, и его длинные пальцы касались дерева.

— Ты уверена? — спросил он.

— Уверена.

— Открывай.

Она открыла дверь.

Комната была маленькой, как чулан. В центре парил шар — прозрачный, пульсирующий, наполненный водой. Нет, не водой — воспоминанием. Юки увидела себя семилетнюю: мутная река, крик, пузырьки, мамино лицо под водой.

— Это оно, — сказал монах. — Твой страх. Самый сильный якорь.

— Бери.

— Протяни руку.

Она протянула. Монах не коснулся её — он взял шар прямо из воздуха, и тот поплыл к нему, оставляя за собой светящийся след. Юки почувствовала, как что-то отрывается — не больно, но тоскливо, как будто она теряет часть себя.

Шар перешёл в руки монаха. Комната погасла. Стены стали серыми, мёртвыми, дверь затянулась камнем — грубым, холодным, без ручки.

— Всё, — сказал монах. — Сделка заключена.

Юки открыла глаза.

Она сидела на алтаре. Духа не было. Нож лежал в траве. Небо было всё таким же серым, но теперь — показалось ей — чуть ниже, тяжелее.

Она подняла руку и посмотрела на ладонь. Та была сухой.

«Я должна бояться, — подумала она. — Чувствовать ужас. Я только что отдала свой самый сильный страх. Но мне всё равно».

Это было странно.

Дух вернулся только через час. К тому времени Юки успела сходить к ручью — тому самому, где встретила странную старуху, — и напиться. Вода была холодной, мутноватой, но она пила её жадно, не чувствуя ничего, кроме удовольствия от утоления жажды.

Раньше она не смогла бы. Раньше один вид текущей воды вызывал у неё головокружение.

— Как ты? — спросил дух, появляясь из-за криптомерии.

— Нормально.

— Ты не чувствуешь потери. Это пройдёт. Через день-два появится пустота.

— А потом?

— Потом ты привыкнешь. И захочешь отдать ещё. Все хотят.

— Ты поэтому здесь? Чтобы люди приходили и отдавали тебе воспоминания?

Дух сел на камень. Теперь, при свете дня, Юки различала его очертания: широкие плечи, длинные руки, бритую голову под капюшоном — и закрытые глаза. Глаза были закрыты плотно, как у спящего, но он, казалось, видел всё.

— Я не звал никого, — сказал дух. — Люди приходят сами. Всегда сами. Сначала из страха, бывало с надеждой, но чаще всего от отчаяния. А я беру то, что они предлагают, и даю то, о чем просят. Честный обмен.

— Ты был человеком. Почему стал духом?

Дух помолчал.

— Это долгая история. И не для первой встречи.

— А для какой?

— Для последней. — Он поднялся. — Дождь будет. Жди здесь или спускайся — без разницы. Но помни: ты заплатила. Теперь ты должна жить с этой платой.

— А моя мать? — спросила Юки. — Она исцелится?

Дух остановился.

— Твоя мать больна не телом. Она больна тревогой — за тебя и Хару. Постоянно переживает, за то, что не может защитить. Когда ты отдала страх, ты вырвала корень, который держал её тревогу. Она поправится. Но не потому, что я исцелил её. А потому, что ей больше не о чем тревожиться.

— Я не понимаю.

— Поймёшь. Позже.

Дух шагнул в лес и растворился между стволами.

Дождь начался на вторые сутки.

Первые полдня было тихо. Юки сидела под навесом, который соорудила из веток, и смотрела на небо. Оно не менялось — серое, плоское, без намёка на влагу.

«Обманул», — подумала она. И удивилась, что не чувствует ни злости, ни разочарования.

На исходе первого дня небо потемнело. Юки вылезла из-под навеса и увидела на северо-западе тяжёлую тучу — такую чёрную, что она казалась дырой в мире. Туча ползла медленно, но неумолимо.

К полуночи подул ветер. Юки забралась обратно под навес и замерла.

Ветер был влажным. Она не помнила такого ветра — последние три месяца дула только сухая, горячая пыль. А сейчас пахло рекой. Озером. Дождём.

«Я должна бояться, — подумала она. — Должна дрожать».

Но она не дрожала. Она ждала.

Первый удар грома прогремел на рассвете. Юки вздрогнула, но не от страха — от неожиданности. Потом хлынуло.

Сначала морось — мелкая, как пыль. Потом капли стали крупнее, тяжелее. Потом небо расколосось, и на землю обрушилась стена воды.

Юки вышла из-под навеса. Дождь залил её с головы до ног за секунду. Она подняла лицо к небу, открыла рот, и вода потекла по языку, по горлу, внутрь.

Она стояла и не боялась.

Слёзы смешались с дождём, но Юки не знала, плачет она или небо.

На третье утро она спустилась в деревню.

Дождь всё ещё шёл — ровный, щедрый. Колодцы, которые ещё вчера были пустыми, сегодня переполнились. Поля превратились в грязь — чёрную, жирную, пахнущую жизнью.

На окраине её встретил Хару.

Он сидел на крыльце, мокрый, с красными глазами — не спал всё это время. Увидел Юки, вскочил, побежал, но на полпути остановился.

— Ты... — Он всматривался в её лицо, искал перемены. — Что с тобой?

— Всё хорошо, — ответила Юки. — Дождь идёт.

— Я вижу. Но ты... ты какая-то другая.

Она хотела сказать: «Я не помню, как выглядит река». Но промолчала. Как объяснить брату, что страх, который жил в ней шестнадцать лет, исчез, а на его месте — пустота, в которой даже эхо не отзывается?

Вместо этого она обняла его. Хару был мокрым и тёплым, и Юки вдруг поняла, что помнит его запах — мальчишеский, с нотками дыма и трав.

Дождь заглушил всё.

Из домов выходили люди. Смотрели на неё, на дождь, снова на неё. Старуха Мицу упала на колени прямо в грязь.

— Святая, — прошептала она. — Живая святая.

Кто-то подхватил. Кто-то заплакал. Дети бегали по лужам и визжали от восторга.

Юки прошла мимо всех, зашла в дом. Мать спала — впервые без кашля. Щёки у неё порозовели, дыхание стало ровным.

«Она исцелилась, — подумала Юки. — Дух сказал, что она исцелится. Но не потому, что он послал чудо. А потому, что ей больше не о чем тревожиться».

Она села на пол, прислонилась к стене и закрыла глаза.

В мысленном доме горел свет только в шести комнатах. Дверь номер один была замурована навсегда. Юки подошла к ней, положила ладонь на холодный камень.

«Прощай, — подумала она. — Я не буду по тебе скучать».

Но это была ложь. Пустота уже начала ныть — тихо, но настойчиво, как зубная боль после удаления.

Дождь за окном всё шёл. И Юки впервые за много лет не боялась, что он затопит всё вокруг.

Она боялась только одного: что захочет отдать ещё.

Глава 4. Святая

Дождь лил три дня.

Не переставая, не ослабевая, словно небо решило вылить на землю всё, что копило месяцами. Вода текла по улицам Уэды мутными потоками, смывая пыль, грязь, старые следы и вместе с ними — страх. Люди выходили из домов и стояли под дождём с поднятыми лицами, открытыми ртами. Дети визжали и бегали по лужам, старики плакали.

Колодец во дворе Юки наполнился до краёв на второй день. Хару вытащил ведро, полное до блеска чистой воды, и долго смотрел на неё, не веря.

— Пить можно? — спросил он.

— Можно, — ответила Юки.

Она стояла на крыльце, глядя, как дождь заливает огород. Мать спала уже третьи сутки — не тревожным сном, а глубоким, здоровым, каким не спала годами.

На третий день к полудню дождь стих. Небо прояснилось, и впервые за многие недели выглянуло солнце — бледное, осеннее, но тёплое. Юки вышла за ворота.

Деревня преобразилась.

Улицы превратились в реки грязи, но эта грязь была живой. Воздух пах влажной землёй, прелыми листьями и чем-то ещё — тем самым сладким запахом, который бывает после хорошей грозы. На востоке, над горами, вставала радуга — бледная, но настоящая.

— Юки! — окликнул её голос.

Она обернулась. Прямо перед ней, на коленях в грязи, стояла старуха Мицу. Глаза её, мутные и белые по краям, были полны слёз.

— Святая, — прошептала Мицу. — Ты спасла нас.

— Встаньте, — сказала Юки. — Не надо.

— Надо. Ты принесла дождь. Ты отдала себя горе. — Мицу схватила её за руку, прижалась мокрым лицом к пальцам. — Теперь ты наша святая.

Юки хотела ответить, но не успела. Из соседних домов выходили люди. Смотрели на неё, на небо, снова на неё. Кто-то опускался на колени, кто-то просто стоял и кланялся. Дети тянули руки, чтобы коснуться её одежды.

Она стояла посреди улицы, окружённая толпой, и чувствовала только одно: пустоту. Внутри было тихо. Ни гордости, ни смущения, ни радости. Только странное, невесомое спокойствие, как после долгой болезни, когда уже не помнишь, каково это — быть здоровым.

Кэндо пришёл к ней вечером.

Он был без свиты, один. Стряхнул грязь с сандалий на пороге, оглядел дом — бедно, темно, пахнет травами и старой циновкой.

— Юки, — сказал он, не называя её святой. — Старейшины хотят поговорить с тобой.

— О чём?

— О твоём новом положении.

Она вышла на крыльцо, прикрыла за собой дверь — мать спала. Хару сидел на ступеньках и точил нож. Он бросил на Кэндо хмурый взгляд, но промолчал.

— Я не просила никакого положения, — сказала Юки.

— Ты спасла деревню. Это не забывается. — Кэндо говорил ровно, без подобострастия. — Старейшины решили: ты получишь лучший дом. Тот, что у храма, где раньше жил староста. И долю риса с каждого поля.

— Я не хочу чужого риса.

— Это не чужой рис. Это твоя доля. — Кэндо помолчал. — Ты не понимаешь, что сделала. Люди видели, как ты уходила на гору. Видели, как пошёл дождь. Теперь они верят, что

ты можешь говорить с духом. И если ты откажешься от даров, они обидятся. Решат, что ты считаешь их дары грязными.

Юки посмотрела на него. В сумерках его лицо казалось вырезанным из дерева — жёстким, неподвижным.

— А ты? — спросила она. — Ты тоже считаешь меня святой?

Кэндо не ответил. Только посмотрел на неё долгим взглядом и ушёл, не попрощавшись.

— Он не верит, — сказал Хару, когда шаги стихли. — Но боится.

— Чего?

— Что ты скажешь духу убрать его. Или что дождь кончится, если он тебя обидит.

Юки села рядом с братом. Нож в его руках скользил по камню — вжик, вжик, вжик.

— А ты во что веришь? — спросила она.

Хару остановился. Посмотрел на неё — долго, изучающе.

— Я верю, что ты какая-то пустая, — сказал он. — Ты ушла на гору и вернулась... не моей сестрой. Ты смотришь на меня, но не видишь. Ты улыбаешься, но не чувствуешь.

Юки хотела возразить. И не смогла.

Он был прав.

На следующий день её переселили в дом старосты.

Это было большое строение из тёмного дерева, с резными ставнями и каменным очагом посреди главной комнаты. Пол здесь не скрипел, крыша не протекала, а в кладовой нашлись мешки с рисом, бобами и сушёной рыбой — такие запасы, о которых Юки не могла и мечтать.

— Теперь это твоё, — сказала соседка Аки, помогая перетаскивать вещи. — Всё твоё.

— А где будет жить прежний староста?

— Он умер зимой. Дом стоял пустой.

Юки прошла по комнатам. В каждой пахло деревом и ладаном — староста был благочестивым человеком. На стене висел свиток с изображением будды, под ним — маленький алтарь с угасшими свечами.

«Будда не помог деревне, — подумала Юки. — Будда не послал дождь. А я послала. Или не я, а дух с горы».

Она не знала, что с этим делать. И чувствовала только пустоту.

Мать перенесли на следующий день. Она проснулась, когда Хару и двое соседей несли её циновку через улицу. Открыла глаза, посмотрела на небо, на новый дом, на дочь.

— Юки, — позвала она.

— Я здесь.

Мать протянула руку. Юки взяла её. Ладонь была тёплой, сухой — без той липкой испарины, которая мучила её последние недели.

— Ты спасла меня, — сказала мать. Глаза у неё были странными — не благодарными, а восторженными. Почти безумными. — Это чудо. Ты — чудо.

— Я твоя дочь, — тихо сказала Юки.

— Ты больше чем дочь. Ты святая.

Юки отпустила руку.

В мысленном доме, в комнате номер два, где хранилось лицо матери — молодой, смеющейся, с волосами, собранными в узел, — что-то изменилось. Краски стали бледнее. словно изображение выцвело на солнце.

Подарки не прекращались.

Кто-то принёс тёплую куртку из овечьей шерсти. Кто-то — глиняный кувшин, расписанный синей краской. Кто-то — мешочек с солью, которая в Уэде была дороже риса. Дети оставляли на пороге цветы — полевые астры, единственное, что ещё цвело в эту засуху.

Юки принимала всё с одинаковым выражением лица: вежливым, благодарным — и пустым. Она не чувствовала радости от подарков. Не чувствовала стыда за то, что берёт. Не чувствовала ничего.

На пятый день после возвращения к ней пришла Рин.

Рин была её подругой детства — той, с которой они бегали в лес за грибами, прятались от взрослых в старом амбаре, шептались о мальчиках. После того как Юки начала ухаживать за больной матерью, они виделись реже, но Рин иногда забегала — принести лепёшек, рассказать новости.

Сегодня Рин стояла на пороге с огромной корзиной, полной хурмы.

— Это тебе, — сказала она, чуть дыша. — Я собрала в роще на восточном склоне. Они сладкие.

— Спасибо, — ответила Юки. — Заходи.

Рин вошла, огляделась. Взгляд её скользил по резным ставням, каменному очагу, свиткам на стенах — и становился всё тяжелее.

— Тебе повезло, — сказала она, ставя корзину.

— Да.

— Ты теперь в лучшем доме. С рисом, новыми вещами. Тебя все называют святой.

Юки не ответила. Рин посмотрела на неё — и в её глазах мелькнуло что-то колючее, острое.

— А ты не изменилась, — сказала Рин. — Совсем. Как будто тебе всё равно.

— Мне всё равно, — честно ответила Юки.

Рин замерла. Потом криво улыбнулась.

— Счастливая. Мне бы твоё спокойствие.

— Оно не стоит того, — сказала Юки. — Поверь.

Рин не поверила. Ушла, не попрощавшись.

В тот же день на площади появилась Странница.

Юки вышла за водой к общему колодцу — свой, новый, стоял во дворе, но ей захотелось пройтись. Деревня ожила. Люди работали в полях, засевая рисом влажную землю. Дети играли в грязи. Старики грелись на солнце.

И посреди этой суеты — женщина в тёмной одежде, сидящая на камне у храма.

Юки узнала её не сразу. Что-то мелькнуло в памяти — мокрый след на камне, белые глаза, молодой голос из старческого рта. Но воспоминание было смутным, как сон после пробуждения.

Женщина смотрела прямо на неё.

Юки остановилась. Расстояние было шагов двадцать, но она чувствовала взгляд — тяжёлый, знающий.

— Кто это? — спросил Хару, подходя сзади. Он увязался за ней, как щенок, — с тех пор как она вернулась с горы, он боялся оставлять её одну.

— Не знаю, — ответила Юки.

Но внутри, глубоко в пустоте, что-то шевельнулось. Не страх — скорее, смутное беспокойство, как будто она забыла что-то важное.

Женщина поднялась, кивнула Юки и исчезла в толпе.

— Странная какая, — сказал Хару. — Одежда не наша. И глаза...

— Что глаза?

— Белые. Как у слепой. Но она смотрела.

Юки пошла к колодцу. Вода в ведре отражала небо — чистое, голубое, без единого облака.

«Я её уже видела, — подумала она. — Там, на горе. У ручья».

Но память отказывалась выдавать подробности. Только образ — старуха, травы, мокрый след. И больше ничего.

— Юки? — позвал Хару. — Ты побледнела.

— Всё хорошо, — сказала она. — Просто показалось.

Она подняла ведро и пошла домой. Спиной чувствовала взгляд — оттуда, где только что сидела женщина.

Но когда обернулась, на камне никого не было.

Ночью Юки не спала.

Она лежала на новой циновке, в новой комнате, под крышей, и смотрела в потолок. Хару спал рядом — он попросился остаться, и она не отказала.

Мысленный дом стоял тихим. Шесть дверей. Шесть комнат. Одна замурована навсегда.

«Я святая, — подумала Юки. — Я принесла дождь. Мать здорова. У меня есть дом, рис, уважение. Всё, о чём я мечтала».

Она закрыла глаза и попыталась почувствовать счастье.

Ничего.

Пустота, которая появилась после сделки, росла. Не как боль — как отсутствие. Ты не чувствуешь, что потерял что-то, пока не пытаешься этим воспользоваться. Юки попыталась вспомнить, как боялась воды, — и не смогла. Попыталась представить лицо матери до болезни — и увидела только бледную, восторженную женщину, которая называет её чудом.

«Я отдала страх, — думала она. — Но, кажется, вместе с ним отдала что-то ещё».

Где-то в глубине дома скрипнула половица. Юки приподнялась. В окно светила луна — полная, жёлтая, похожая на глаз.

За окном никого не было.

Но на подоконнике лежал мокрый лист — кленовый, с каплями воды. Откуда он взялся? Дождь кончился два дня назад. Ветра не было.

Юки взяла лист. Он был холодным, влажным.

И вдруг ей показалось, что кто-то шепчет её имя — издалека, с горы. Голос старухи. Или духа. Или её собственной пустоты.

— Ты ещё вернёшься, — прошептал голос. — Они заставят.

Юки выбросила лист в окно и легла обратно.

До утра она не сомкнула глаз.

Хару спал рядом и видел сны. В его сне сестра улыбалась — по-настоящему, как раньше. Но когда он проснулся, она сидела на циновке с каменным лицом и смотрела в стену.

— Юки? — позвал он.

Она повернулась. Глаза у неё были пустые, как два высохших колодца.

— Всё хорошо, — сказала она. — Мне просто нужно привыкнуть.

Хару не поверил. Но промолчал.

А на пороге нового дома уже ждали первые просители — крестьяне, которые хотели, чтобы святая поговорила с духом об урожае, о здоровье, о дожде на следующей неделе.

Юки встала и пошла открывать дверь.

Мысленный дом ждал.

Глава 5. Первая трещина

Волки пришли на десятый день после дождя.

Сначала пропала овца у старухи Мицу, единственная, которую она не зарезала во время засухи. Нашли клочья шерсти у северной околицы.

— Волк, — сказал пастух Ёси, разглядывая следы. — Крупный. И не один.

На следующую ночь волки забрали трёх овец у плотника Таро. На третью — задрали телёнка в общем загоне. Крови было много, и крики животных разбудили полдеревни.

Мужики вышли с вилами и факелами, но волков уже не нашли. Только следы — большие, с глубокими отпечатками когтей, уходящие в сторону горы Тэнгу.

— Они спустились с горы, — сказал Кэндо на утренней сходке. — Там, наверху, после дождя расплодились зайцы. А теперь зайцы кончились, и волки пошли вниз.

— Что делать? — спросил Таро. У него было лицо человека, который потерял не просто овец, а половину своего достатка.

— Охотиться. Выставить караулы по ночам. И... — Кэндо помедлил, и все поняли, что он скажет дальше. — Попросить святую поговорить с горой.

Взгляды обратились к Юки.

Она стояла в задних рядах, в тени храма, и смотрела на Кэндо. Внутри было пусто — как всегда в последние дни. Но где-то на периферии этой пустоты зажётся маленький огонёк: она знала, что это значит. Снова идти на гору.

— Юки, — позвала соседка Аки. — Ты можешь попросить духа убрать волков. Ты же святая.

— Я не святая, — сказала Юки. — Я просто человек, который ходил на гору.

— И после этого пошёл дождь! — крикнул кто-то из толпы. — Ты можешь всё!

Юки посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Ничего не дрогнуло внутри.

— Я подумаю, — сказала она и ушла.

Дома её ждала мать.

Она уже вставала с циновки, ела, даже пыталась помогать по хозяйству — но делала это с такой торжественностью, будто каждое движение было священнодействием. Сегодня она сидела у очага и перебирала рис, отделяя хорошие зёрна от пустых.

— Я слышала, — сказала мать, не поднимая головы. — Про волков.

— И что?

— Ты должна пойти на гору.

Юки остановилась в дверях.

— Ты просишь меня снова отдать свои эмоции.

— Я прошу тебя спасти деревню. — Мать подняла голову. Глаза у неё были всё такими же — восторженными, почти безумными. — Ты можешь это сделать. Уже сделала однажды. Дух слушает тебя.

— Дух слушает любого, кто готов заплатить.

— Так заплати! — Мать повысила голос. — Что для тебя какие-то чувства? Ты жива. Твоя мать жива. Твой брат жив. Разве этого мало?

Юки хотела ответить: «Мало. Потому что я уже не помню, как боялась воды. И если отдам ещё, не вспомню, как любила». Но слова застряли в горле.

Она вышла во двор. Хару сидел на крыльце и строгал палку — делал себе новый лук.

— Не ходи, — сказал он, не глядя на неё.

— Почему?

— Потому что каждый раз ты возвращаешься всё более пустой. Я вижу. Не слепой.

— Если я не пойду, волки перережут овец. Зимой людям нечего будет есть.

— Люди сами справятся. У нас есть ружьё — у Кэндо, старое, но стреляет. Можно караулы поставить.

— Кэндо не даст ружьё. Он хочет, чтобы я пошла.

Хару отложил нож и посмотрел на неё. В его глазах была такая боль, какой Юки не видела даже в день смерти отца.

— Тогда я пойду с тобой.

— Нельзя. Дух принимает только добровольную жертву. Если ты придёшь, он может забрать и тебя.

— Пусть забирает.

Юки села рядом, положила голову ему на плечо. Хару пах деревом и потом — мальчишеский, живой запах, который она боялась забыть.

«Я уже забыла, каким ты был младенцем, — подумала она. — Не хочу забыть, какой ты есть».

Но она знала, что пойдёт.

На гору она поднялась на следующее утро.

Шла одна, как в первый раз. Хару хотел провожать, но она ушла затемно, пока он спал. Оставила записку на циновке: «Вернусь через два дня. Не ищи».

Тропа изменилась. После дождей лес стал влажным, пахнувшим прелыми листьями и мокрой корой. Криптомерии стояли зелёными, и сквозь их кроны пробивалось солнце — не серое, а настоящее, золотистое.

Юки шла быстро, не оглядываясь. Страх не было — не только потому, что она отдала его, но и потому, что она уже знала дорогу. Лес больше не смотрел на неё. Или смотрел, но без враждебности — скорее, с любопытством.

У ручья она остановилась. Того самого, где встретила странную старуху. Ручей теперь шумел — вода бежала по камням, бурлила, пенилась. Юки опустилась на колени, зачерпнула ладонями.

Холодно. Вкусно. И ни капли страха.

Она напилась, умылась и пошла дальше.

На алтаре её уже ждали.

Дух сидел на плоском камне, поджав под себя ноги, как настоящий монах на медитации. Сегодня он не прятал лицо — капюшон был откинут, и Юки впервые увидела его по-настоящему.

Бритая голова. Тонкие, строгие черты. И глаза — закрытые, плотно сомкнутые веки, как у спящего. Он мог бы быть красивым, если бы не эта полная, абсолютная неподвижность лица. Казалось, мышцы забыли, как двигаться.

— Ты снова здесь, — сказал дух. — Я знал, что ты вернёшься.

— Откуда?

— Люди всегда возвращаются. Первый раз — из страха. Второй — с надеждой. Третий — по привычке. Какая у тебя сейчас беда?

— Волки, — сказала Юки. — Они спустились с горы. Деревня просит меня прогнать их.

— И ты хочешь, чтобы я сделал это?

— Да.

— Цена — воспоминание. Самое радостное.

Юки замерла.

— Самое радостное?

— Ты слышала. В прошлый раз ты отдала страх. Теперь я возьму радость. Так работает равновесие. Если будешь отдавать только боль, станешь пустой оболочкой без чувств. Радость балансирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.